

Лето было пасмурным. Теплое солнце окутывал туман, все время тянувшийся с Тихого океана. Но к сентябрю, что нередко случается в Калифорнии, облака отступили далеко от побережья, в океан, где и растянулись на линии горизонта как длинный, зловещий кровоподтек.

На суше, за береговой линией, тлели под знойными лучами солнца фермерские уголья, изобилующие перезрелыми фруктами, кукурузой, артишоками и оранжевыми тыквами. Крошечные деревянные поселки дремали на жаре, серые и пыльные, как засушенные насекомые; плодородные равнины простирались к востоку до предгорий Сьерра-Невады, и все это подобно стреле с севера, где находился Сан-Франциско, и на юг, где был Лос-Анджелес, пронзала гигантская автомагистраль Ка-

мино-Реал, запруженная миллионами сверкающих раскаленной сталью машин.

Все летние месяцы пляж пустовал, так как Риф-Пойнт расположен довольно далеко от проходящего вдоль побережья шоссе и туда редко забредают случайные путешественники. Ведущая к поселку дорога была грунтовой, небезопасной и малопривлекательной. Кроме того, чуть повыше Риф-Пойнта, на холме над берегом, расположился небольшой курортный городок под названием Ла-Кармелла, с прелестными тенистыми улочками, фешенебельным загородным клубом и чистенькими мотелями, и любой здравомыслящий человек, у которого была пара лишних купюр, предпочитал остановиться именно там. Только закоренелые авантюристы, полные банкроты или страстные поклонники серфинга шли на риск и, скользя и спотыкаясь, преодолевали еще одну оставшуюся милю по грязной дороге, которая вела к этому великолепному, безлюдному, омываемому волнами заливу.

Но теперь, когда установилась жаркая сухая погода и прозрачные океанские волны лениво набегали на берег, в этом месте было полно людей. Машины всех типов и марок скатывались с холма, парковались в тени под сенью раскидистых кедров и извергали из себя любителей пикников, желающих отдохнуть на

лоне природы туристов с палатками, поклонников серфинга и целые семейства хиппи, которым успел наскучить Сан-Франциско и которые теперь направлялись на юг, к Нью-Мексико и солнцу, как стаи мигрирующих птиц. А в выходные дни появлялись студенты из университета Санта-Барбары в своих стареньких кабриолетах и обклеенных цветочками «фольксвагенах», до отказа набитых девчонками и упаковками баночного пива. Они слонялись по пляжу с огромными яркими досками для серфинга «малибу» и разбивали небольшие лагеря, и кругом звучали их голоса и смех, а воздух был напоен ароматом масла для загара.

Так после долгих недель и даже месяцев полнейшего одиночества мы оказались в окружении людей и в эпицентре разного рода событий. Мой отец был всецело поглощен работой — пытался написать сценарий к сроку, а потому игнорировал все происходящее вокруг. Не замеченная им, я выходила на пляж, взяв с собой провизию (гамбургеры и кока-колу), книжку, большое удобное полотенце и Расти — за компанию.

Расти был собакой. Моей собакой. Коричневым мохнатым существом неопределенной породы, но недюжинного ума. Когда мы только переехали в наш маленький деревянный

домик весной, у нас не было собаки, и Расти, понаблюдав за нами, видимо, решил это исправить. Соответственно, он все время ошивался поблизости от нашего дома. Я прогоняла его, отпугивала, отец кидался в него старыми сапогами, но он тем не менее возвращался, без капли раскаяния и не тая на нас злобы, и садился в ярде или двух от заднего крыльца, улыбаясь и дружелюбно стуча по земле хвостом. В одно жаркое утро, сжалившись над ним, я налила ему миску холодной воды. Он вылакал ее досуха, затем снова уселся, улыбнулся и начал бить по земле хвостом. На следующий день я дала ему старую кость с остатками окорока, которую он вежливо принял, унес подальше и закопал, а сам вернулся обратно через пять минут. Улыбаясь. И виляя хвостом.

Мой отец вышел из дома и швырнул в пса сапог, но без всякого энтузиазма. То была лишь вялая демонстрация силы. Расти это понял и подошел немного ближе.

Позже я осторожно спросила отца:

— Как ты думаешь, чей он?

— Бог его знает.

— Мне кажется, он считает, что принадлежит нам.

— Ошибаешься, — возразил отец, — он думает, что это мы ему принадлежим.

— Он вроде не злой и совсем не воняет...

Отец оторвал глаза от журнала, который читал.

— Ты намекаешь на то, что хочешь взять к нам этого проклятого пса?

— Просто я не знаю... Не знаю, как от него отделаться.

— Я уже готов его пристрелить.

— О, не надо, пожалуйста!

— К тому же у него наверняка блохи. Он принесет в дом блох.

— Я куплю ему противоблошиный ошейник.

Отец посмотрел на меня поверх очков. Я увидела в его глазах иронию и поняла, что он вот-вот рассмеется.

— Пожалуйста, — взмолилась я. — Почему нет? С ним мне будет не так одиноко, когда ты уезжаешь.

— Ладно, — сдался отец.

Поэтому я тут же, не теряя ни секунды, надела первые попавшиеся под руку ботинки, свистнула псу и пошла с ним вверх по холму в Ла-Кармеллу, где была модная ветеринарная клиника. Там мы какое-то время дожидались своей очереди в маленькой комнатке, заполненной ухоженными пуделями, сиамскими кошками и их разномастными владельцами, и наконец вошли в кабинет ветеринара. Он осмотрел Расти, заключил, что пес здоров, сделал

ему укол и объяснил мне, где купить ошейник от блох. Итак, я заплатила за прием, вышла из клиники и купила ошейник, а затем мы направились в обратный путь. Когда мы вернулись домой, отец все еще читал журнал. Пес вежливо переступил порог и, немного постояв, словно ожидая приглашения сесть, уселся на старый ковер перед пустым камином.

— Как мы его назовем? — спросил отец.

— Расти, — ответила я без раздумий, потому что когда-то у меня была сумка для пижам в виде игрушечной собаки с молнией на животе, я окрестила ее Расти, и это было первое имя, которое теперь пришло мне на ум.

Вопроса о том, впишется ли Расти в нашу семью, не возникало, — казалось, он всегда к ней принадлежал. Куда бы я ни шла, Расти сопровождал меня всюду. Он обожал пляж; вечно откапывал какие-нибудь бесценные сокровища и приносил их домой, где с гордостью демонстрировал нам. Мусор, выброшенный на берег волнами, пластиковые бутылки из-под моющих средств, длинные нитки морских водорослей. А иногда у нас в доме появлялись вещи, которые ему явно и откапывать не приходилось. Новая кроссовка, яркое пляжное полотенце, а однажды даже спущенный пляжный мяч — после того как я отыскала маленького заплаканного владельца этого мяча, отцу при-

шлось купить новый. Расти также любил плавать и всегда стремился составить мне компанию, хотя я плавала намного быстрее и заплывала дальше, а он все время вынужден был догонять меня. Любого другого пса это наверняка бы обескуражило, но Расти никогда не сдавался.

Мы плавали в тот день, в воскресенье. Отец успел дописать сценарий в срок и повез его в Лос-Анджелес, и мы с Расти были предоставлены самим себе. С самого утра мы загорали, купались, собирали ракушки и играли со старой палкой, которую волны прибили к берегу. Но теперь вечерело и становилось прохладнее; я оделась, и мы с Расти сидели бок о бок и смотрели на серферов, а заходящее золотистое солнце слепило нам глаза.

Эти ребята целый день упражнялись в своем искусстве, но, казалось, совсем не устали. Стоя на коленях на своих досках, они сквозь прибрежные волны гребли туда, где поблескивала ровная зеленая гладь океана. Там они терпеливо ждали — застыв на линии горизонта, как стаи бакланов, — пока придет волна, которая затем должна была сформироваться, подняться и наконец разбиться о берег. Они выбирали волну, вставали и дожидались, пока она достигнет вершины и на гребне появится пена, а когда она обрушивалась с грохотом, тогда

серферы устремлялись вместе с ней. Они скользили на ней — поэма равновесия вкупе с уверенностью молодости, — скользили на волне, пока она не разбивалась о песок, а затем как ни в чем не бывало сходили с доски, поднимали ее и направлялись обратно в море, ибо credo серфера заключается в том, что в океане его всегда ждет другая волна, выше и лучше, что совершенству нет предела; и сейчас, когда солнце уже заходило, предвещая скорые сумерки, нельзя было терять ни мгновения.

Один парень особенно привлек мое внимание. Блондин с короткой стрижкой и бронзовым загаром, в узких шортах до колен, таких же ярко-синих, как и его доска. Он был великолепным серфером, отличался стилем и напором, и по сравнению с ним все остальные казались неуклюжими новичками. Я не сводила с него глаз, но теперь он, похоже, счел, что на сегодня достаточно, потому как прокатился на последней волне, мягко приземлился на берег, сошел с доски и, бросив долгий прощальный взгляд на розовеющее вечернее море, повернулся, подхватил доску и направился вверх по пляжу.

Я отвела глаза. Он прошел совсем рядом со мной к тому месту, где лежала стопка аккуратно сложенной одежды. Положив доску, он поднял полинявшую университетскую толстовку,

которая лежала на самом верху, и принялся натягивать ее. Я снова посмотрела в его сторону, и, когда его лицо показалось из выреза горловины, наши глаза встретились. Я твердо выдержала этот взгляд.

На его лице отразилось удивление.

— Привет, — сказал он с улыбкой.

— Привет, — отозвалась я.

Он расправил толстовку на бедрах и спросил:

— Хочешь сигарету?

— Давай, — кивнула я.

Нагнувшись, он достал из кармана лежавших на песке штанов пачку «Лаки Страйк» и подошел ко мне. Протянул мне сигарету, взял себе другую и прикурил обе, а затем опустился рядом со мной на песок, вытянув ноги и опираясь на локти. Его ноги, шея и волосы были слегка припорошены песком. Голубоглазый, загорелый, ухоженный, он был олицетворением образцового студента американского университета.

— Ты сидела здесь весь день, — заметил он. — Когда не плавала.

— Я знаю.

— Почему к нам не присоединилась?

— У меня нет доски для серфинга.

— Так купи.

— Нет денег.

— Тогда одолжи.

— Мне не у кого.

Юноша нахмурился:

— Ты из Британии, так ведь?

— Да.

— Приехала к кому-то погостить?

— Нет, я здесь живу.

— В Риф-Пойнте?! — изумленно спросил он.

— Да. — Я кивнула головой в ту сторону, где за изгибом песчаных дюн виднелся ряд полинявших, обитых вагонкой барачков.

— Как так?

— Мы арендуем здесь дом.

— Кто — мы?

— Мой отец и я.

— И давно вы тут?

— С весны.

— Но вы же не останетесь на зиму.

Это была скорее констатация факта, нежели вопрос. Никто не оставался зимовать в Риф-Пойнте. Эти домики были просто-напросто не предназначены для того, чтобы выдерживать бури, дорога становилась непроходимой, телефонные провода обрывало, и электричества тоже временами не было.

— Думаю, останемся. Если только не решим куда-нибудь съехать.

Он нахмурился:

— Вы что, хиппи какие-нибудь?

Зная, как я выгляжу, я не могла обидеться на него за то, что он задал подобный вопрос.

— Нет. Просто мой отец пишет киносценарии и разные вещи для телевидения. Но он ненавидит Лос-Анджелес и наотрез отказался там жить, поэтому... мы сняли этот домик.

Мой новый знакомый казался заинтригованным.

— А ты чем занимаешься?

Я взяла пригоршню грубого серого песка и пропустила его сквозь пальцы.

— Ничем особенным. Покупаю еду, выбрасываю мусор и выметаю песок из дома.

— Это твоя собака?

— Да.

— Как зовут?

— Расти.

— Расти. Эй, Расти, приятель!

Расти удостоил парня кивком, который сделал бы честь принцу крови, и вновь устремил взгляд на море. Чтобы как-то компенсировать такое отсутствие манер, я спросила:

— А ты из Санта-Барбары?

— Угу. — Юноша явно не испытывал желания говорить о себе. — И давно ты в Штатах? У тебя все еще ужаснейший британский акцент.

Я вежливо улыбнулась этой фразе, которую слышала уже не раз.

— С четырнадцати. То есть семь лет.
— В Калифорнии?
— Не только. Нью-Йорк. Чикаго. Сан-Франциско.

— Твой отец — американец?

— Нет. Ему просто здесь нравится. Изначально он приехал сюда потому, что писал роман, а потом права на экранизацию романа купила одна кинокомпания, и отец отправился в Голливуд писать сценарий.

— Серьезно? Я слышал о нем? Как его зовут?

— Руфус Марш.

— Ты хочешь сказать, автор «Долгого утра»? — воскликнул он. Я кивнула. — Боже, да я прочел эту книгу от корки до корки, еще когда учился в средней школе! Все свои знания о сексе я почерпнул из нее!

Он посмотрел на меня с новым интересом, и я подумала: «Ну вот опять история повторяется». Парни всегда были со мной дружелюбными и милыми, но нисколько не заинтересованными — до тех пор, пока я не упоминала о «Долгом утре». Думаю, что это как-то связано с моей внешностью, потому что глаза у меня бледные, как шестипенсовые монеты, а ресницы совсем бесцветные, и лицо у меня не загорает, а сплошь покрывается сотнями гигантских веснушек. Кроме того, я слишком высо-

кая для девушки, и скулы у меня ужасно выступают.

— Он, должно быть, крутой парень, — добавил мой новый знакомый.

Теперь у него на лице появилось озадаченное выражение, а в глазах ясно читались вопросы, которые он наверняка не станет задавать из вежливости.

Если ты дочь Руфуса Марша, то с какой такой стати ты сидишь на этом забытом богом берегу, в этом калифорнийском захолустье, в джинсах с заплатами и мужской рубашке, которую десятки лет назад следовало без сожалений отправить в мусорную корзину, и у тебя даже нет денег, чтобы купить себе доску для серфинга?

С комичной предсказуемостью вторя моим мыслям, юноша спросил:

— Что он вообще за человек? Я имею в виду, кроме того, что он твой отец.

— Я не знаю.

И действительно, я никогда — даже в своих мыслях — не могла дать ему определение. Я загребла еще одну пригоршню песка и высыпала его из ладони тонкой струйкой. Образовалось нечто вроде миниатюрной горы, а сверху я воткнула сигарету огоньком вверх. Получился маленький кратер, крошечный вулкан, а его дымящейся сердцевиной был мой окурок. Так

кто же он — мой отец? Человек, которому всегда нужно быть в движении. Человек, который легко заводит друзей и теряет их на следующий день. Неуживчивый спорщик, талантливый до гениальности, но опускающий руки перед лицом самых ничтожных повседневных задач. Человек, который может расположить к себе и привести в ярость одновременно. Живой парадокс.

— Не знаю, — повторила я и, повернувшись, посмотрела на парня, который по-прежнему сидел рядом со мной. Он был милым. — Я бы позвала тебя домой выпить пива, и тогда ты смог бы познакомиться с ним и составить о нем представление. Но он сейчас в Лос-Анджелесе и вернется не раньше завтрашнего утра.

Парень молча размышлял над моими словами, задумчиво почесывая затылок. Из его волос при этом вырывалась целая буря песка.

— Вот что, — наконец сказал он. — Я приеду сюда опять в следующие выходные, если погода будет хорошая.

— Да? — улыбнулась я.

— Я тебя найду.

— Хорошо.

— Возьму с собой вторую доску. Чтобы ты могла покататься.

— Тебе не обязательно меня подкупать.

Парень притворился обиженным:

— Что значит «подкупать»?

— Я и так познакомлю тебя с отцом в следующие выходные. Он любит новые лица.

— Я не пытался тебя подкупить. Честное слово.

— Знаю, — смягчилась я. Кроме того, мне очень хотелось покататься на серфе.

Он ухмыльнулся и затушил сигарету. Солнце, спускавшееся к морю, принимало четкие очертания и цвет — теперь оно было похоже на оранжевую тыкву. Мой собеседник сел, щурясь на свет, слегка зевнул и потянулся. Затем сказал:

— Мне пора. — С этими словами он поднялся и несколько мгновений в нерешительности стоял надо мной. Его тень на песке была бесконечно длинной. — Ну, тогда пока?

— Пока.

— До следующего воскресенья.

— Хорошо.

— Это свидание. Не забудь.

— Не забуду.

Он повернулся и пошел прочь. По пути он остановился, чтобы подобрать оставшиеся вещи, и салютовал мне напоследок, а затем направился через весь пляж туда, где росли старые, зарывшиеся в песок кедры, за которыми начиналась дорога.